

Цивилизация и культура

Спивак Д.Л.

Противостояние цивилизаций в культурном наследии Северо-Запада России: новгородский период

Аннотация. Рассмотрены три основных этапа противостояния русской и западноевропейской цивилизаций на новгородской земле в период с XIII по XV столетие, от Невской битвы (1240), осады и взятия Ландскроны (1301) – до основания крепости Орешек на острове в устье Невы и подписания знаменитого Ореховецкого договора о «вечном мире» (1323). Прослежены ключевые пути включения данной тематики в состав градостроительного, архитектурного и монументального наследия Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: культурное наследие, русский мир, противостояние цивилизаций, новгородские земли.

Читая Рукописание Магнуша, короля Свейсакого – один из известнейших текстов, созданных на Северо-Западе русских земель, скорее всего в начале XV столетия, и посвященный в первую очередь противостоянию русской и западноевропейской цивилизаций – мы обращаем внимание на довольно четкую историософскую схему, делящую это противостояние на три ключевых этапа.

Первый из них – пришествие на Русь одного из крупнейших шведских военачальников, а позднее и предстоятеля шведского государства, ярла Биргера. Поход непосредственно примыкал к военным операциям, предпринятым в рамках так называемого второго крестового похода против финских язычников, и принадлежал, таким образом, к числу не только военно-политических, но и религиозно-политических предприятий. В Житии Александра Невского, при всей его краткости, этот момент подчеркнут неоднократно и очень четко: Биргер пришел «от Западных стран, иже нарицаются слугы Божия», он – «король части Римьския» и, таким образом, представитель всего западнохристианского мира [1]. Способности Биргера Магнуссона к освоению земель не подлежат сомнению: как помнит шведская традиция, десятилетием позже им был основан Стокгольм, ставший позднее столицей Швеции.

Новгород защищал крупнейший полководец и политический деятель тогдашнего русского мира, князь Александр Ярославич. В тексте его Жития неоднократно подчеркивается набожность князя – речь идет и о молитве в новгородском Софийском соборе при выступлении войск, и о выступлении с малыми силами, «уповая на св. Троицу», и о видении святых мучеников Бориса и Глеба в ночь перед битвой [2]. Таким образом, и для русской стороны речь шла не только о физической битве, но и о духовной брани.

Как коротко сообщает Рукописание Магнуша, Биргер – или, как его называли у нас, «местерь Белгеръ» – потерпел поражение на реке Ижоре (1240), а князь Александр одержал славную победу, заслужив почетное прозвание Невского (поскольку битва происходила недалеко от устья Невы, причем обе стороны бились в первую очередь за контроль над ним). Таким образом, первое противостояние Руси и Европы на берегах Невы завершилось изгнанием непрошенных гостей с Запада [3] и сохранением контроля Новгорода над приневскими землями [4].

Второй этап начался пришествием на Неву нового войска с Запада. Им руководил опытный полководец и государственный деятель, которому довелось некоторое время также стоять во главе шведского государства, по имени Торгильс Кнутссон. Новое нашествие фактически завершало третий крестовый поход, в ходе которого шведам удалось присоединить обширные земли на территории современной Финляндии и основать свой форпост на Карельском перешейке – город-крепость Выборг (1293). Придя в устье Невы, шведы намерены были развить свой успех. Согласно подсчетам историков, крепость, основанная ими на мысу, образованном основным течением реки Невы и меньшей по ширине и глубине Охты [5], охватывала по площади почти 15 тыс. кв. м, что почти вдвое превышало площадь выборгской крепости.

Для строительства новоснованной крепости, были приглашены архитекторы (или военные инженеры), строившие прежде того в Риме, по благословению папы римского. Наконец, крепости, основанная посреди глухих лесов и топких болот, сразу было дано громкое имя "Landskrona", то есть Венец ("-krona") земли ("Lands-"). "Nomen est omen", как говорили в классической древности: в имени просматривается программа. Шведы определенно приходили «всерьез и надолго».

Зоркий глаз новгородцев сразу различил ключевые моменты шведского плана. Как сообщает Новгородская I летопись, «придоша из замория свеи в силе велице в Неву, приведоша из своей земли мастера, из великого Рима от папы мастер приведоша нарочит, поставиша город над Невою на усть Охты реки, и утвердиша твердостию несказанною ... нарекоша его Венец земли» [6]. Как видим, в кратком сообщении летописца были упомянуты и «сила великая», и «мастера от папы римского», и гордое название крепости.

Организация сопротивления выпала на долю князя Андрея Александровича – сына Александра Невского, уже давшего шведам отпор более чем за полвека до описываемых событий. На следующий, 1301 год князь Андрей пришел с новгородским войском, «город взя, а наместники и

немецъ поби» (продолжаем цитировать Рукописание Магнуша). Второе столкновение цивилизаций окончилось, таким образом, военной победой и изгнанием захватчиков.

Устье Невы снова осталось незастроенным. В связи с этим возникает естественный вопрос, почему новгородцы не озаботились основанием собственной мощной крепости в устье Невы, тем более что шведы уже вышли немного севернее этих мест, на Вуоксу, тогда судоходную на всем своем протяжении, примерно по линии Выборг (на западе) – Корела (теперешний Приозерск, на востоке), и обозначили свой интерес к освоению приневских земель вполне явно. В научной литературе можно встретить ряд объяснений такой стратегии, от вполне понятного нежелания строиться под постоянной угрозой нападения с моря до стремления не создавать Новгороду торгового конкурента, расположенного ближе к западным торговым партнерам.

Нам представляется заслуживающей внимания высказанная по другому поводу мысль Д.С.Лихачева, полагавшего, что неосвоенное, девственное пространство могло обладать в глазах новгородцев особым, почти сакральным значением. В качестве содержательного примера ученый ссылался на так называемое Красное поле, опоясывавшее историческое ядро Новгорода, но намеренно оставленное незастроенным – пространство, только на горизонте окруженное чередой-ожерельем загородных монастырей и храмов. «Ни одно строение, ни одно дерево не мешало видеть этот величественный венец, которым окружил себя Новгород по горизонту, создавая незабываемый образ освоенной, обжитой страны – простора и уюта одновременно» [7]. Если наше соображение справедливо, то устье Невы могла рассматриваться новгородскими градостроителями как некий аналог Красного поля, что фактически подразумевало стратегию сбережения не только того, что мы сейчас называем культурным, но и природным наследием.

На третьем этапе стратегия обеих сторон существенно изменилась. Новгородцы перестали пассивно реагировать на западные нашествия и основали в 1323 году на Ореховом острове, при самом истоке Невы из Ладожского озера, крепость Орешек. Историческая логика требовала продолжения этого разумного шага основанием крепости в устье Невы, при впадении этой реки в Финский залив, но его пришлось ожидать более трех с половиной столетий – до тех пор, когда Петр I основал Петербург [8]. Что же касалось шведов, то, потерпев два масштабных поражения (и целый ряд менее значимых, о которых мы не упомянули), они озаботились не столько покорением новых земель, сколько разграничением уже завоеванных владений со своими соседями.

Как следствие, в новооснованную русскую крепость прибыли представительные делегации с обеих сторон, которые после недолгих переговоров подписали знаменитый Ореховецкий мирный трактат (1323). Этому договору, согласно которому была установлена четкая граница на всем ее протяжении между землями Великого Новгорода и Королевства Шведского, и более того – между русским миром на его северо-западных рубежах и западноевропейской цивилизацией, суждено было действовать более 270 лет, вплоть до Тявзинского мира (1595), который был заключен с нашей стороны в предместье Ивангорода уже московскими дипломатами.

Знакомясь с текстом Ореховецкого договора, мы можем выделить несколько аспектов, существенных для нашей темы. Прежде всего, с новгородской стороны он был подписан внуком Александра Невского, великим князем Юрием Даниловичем. Со шведской стороны во вступительной формуле обозначено участие «свейсаго князя Мануша Ориковиця», то есть шведского короля Магнуса Эрикссона (как разъяснялось чуть ниже, в церемонии подписания он все же лично не участвовал, поручив это своим дипломатам). Таким образом, разграничение сфер влияния на приневских землях снова потребовало непосредственного участия высших должностных лиц с обеих сторон, что говорило о его важности как для Новгорода, так и для Швеции.

Далее текст договора, значимый не только для Новгорода, но и для древнерусской дипломатии в целом, был утвержден на двух уровнях – политико-правовом и сакральном. Под первым мы подразумеваем следование канонам европейского международного права того времени, к которому шведская сторона была привычна, для новгородской же стороны оно было внове. Как отмечалось в Рукописании Магнуша, «земли есмь и воде учинили роздел, кому чем владети, и грамоты есмь *пописали и попечатали*». Последняя формула, выделенная нами в тексте цитаты курсивом, и означает следование правовым нормам того времени.

Отметив этот немаловажный факт, нужно оговориться, что за сценой переговоров действовал еще один, третий игрок, отношения с которым были весьма значимы как для новгородской, так и для шведской стороны. Мы говорим, разумеется, о Ганзейском союзе, в число приоритетов которого входило полное правовое урегулирование режима функционирования торговых путей на востоке Балтики. Как следствие, в текст договора были включены и гарантии для ганзейских купцов из Любека и «немецкой земли» в целом («...гости гостити бес пакости из всей немъцискою земле: из Любка, из Готского берега и Свеискои земле по Неве в Новгород горою и водою, а Свеям всем из Выбора города гости не переимати, тако же и нашему гостю чист путь за море»).

Говоря о сакральном аспекте, мы имеем в виду тот факт, что как во вступительной, так и в заключительной формуле Ореховецкого трактата было упомянуто крестное целование, закреплявшее достигнутые договоренности. В первом случае упомянуто, что оно утверждало «вечный мир», то есть не временное соглашение, но полноценный и долгосрочный договор максимально приоритетного на то время статуса. Во втором случае на голову нарушителя договора призывались кары самого Бога и святой Богородицы. Таким образом, установление «мира на Неве» мыслилось как соответствовавшее не только торговым интересам обеих сторон, но и их высшим духовным ценностям.

Знакомясь с текстом Рукописания Магнуша, мы можем сделать в этой связи еще одно важное замечание. Автор его был хорошо знаком с местными реалиями: в тексте Рукописания упоминаются Ижора, Нева, Орешек, Копорье. Сказано и о мужах новгородских, отстаивших свое государство от иноземных захватчиков. Однако главным для автора является общерусское дело защиты Отечества. Русь упомянута в тексте четырежды, причем в контекстах, не дающих

основания для выводов иного плана. «Не наступайте на Русь при крестном целованья», то есть не нарушайте ее священных пределов, – сказано в самом начале текста Рукописания. «Не наступайте на Русь на крестном целовании, а кто наступит, на того огонь и вода», – говорится в конце данного текста.

Здесь нужно оговориться, что, цитируя в предшествующем изложении текст как Ореховецкого мирного договора, так и Рукописания Магнуша, мы хорошо понимаем разницу между ними. Первый из упомянутых документов – деловой текст, созданный непосредственно в ходе событий начала XIV в. – так сказать, *in medias res*. Второй из них – это художественный текст, написанный в форме апокрифического завещания шведского короля, к тому же и созданный в начале следующего, XV в., то есть спустя уж порядочное время после описанных в нем событий.

Все это так, но Рукописание Магнуша очень ценилось в Древней Руси, было многократно переписано и вошло в состав ряда авторитетных летописных сводов – в первую очередь, Софийской I летописи, которую мы и цитировали выше. Основываясь на соображениях этого рода, мы и сочли корректным привлечь к нашему рассмотрению текст Рукописания Магнуша, полагая, что в нем нашли отражение некоторые важные для средневековых новгородцев историософские установки.

* * *

В результате трех сжато описанных выше этапов, включавших в себя и военное противостояние, и торговое сотрудничество, а в некоторой степени – и обмен культурными ценностями, на нашем Северо-Западе была установлена граница не только между владениями Великого Новгорода и Швеции, но и между русским миром и западноевропейской цивилизацией в целом. Будучи включена в состав новгородского культурного наследия, она довольно быстро была переосмыслена у нас как часть наследия общерусского. Как следствие, возвратив приневские земли и основав на них Санкт-Петербург, Петр I по сути лишь продолжил дело предков, расширив и углубив его задачи и цели.

О событиях того времени напоминают скромные церковь с часовней и памятный камень, поставленные потомками близ устья Ижоры, то есть на месте Невской битвы. Однако значительно более важную роль в русской истории сыграло перенесение мощей святого благоверного князя Александра Невского, хранившихся прежде того во Владимире, в монастырь, основанный Петром I в новой столице России. Место для основания Александро-Невского монастыря было выбрано буквально на следующий год после основания Петербурга, формально же годом его основания считается 1713. К концу XVIII столетия, статус монастыря был возвышен до лавры, что поставило его в один ряд с такими древними и почтенными духовными центрами русской цивилизации, как Троице-Сергиева лавра и, разумеется, Киево-Печерская лавра.

Стоит сказать и о том, что главная улица Санкт-Петербурга – Невский проспект – получила свое название по реке Неве, собственно, лишь в косвенном плане. Прямо же оно указывает на ту же

Александро-Невскую лавру, что и отразилось в более раннем названии проспекта, содержащем довольно длинное на теперешний вкус, однако вполне корректное определение – а именно, «Большая перспективная дорога к Невскому монастырю». Как помнят историки, современное, более лапидарное название вполне утвердилось лишь к 1781 году.

Это – факт общеизвестный; реже у нас вспоминают о том, что ближе к центру города, прямо на Невском проспекте, стоит с давних пор памятник Александру Невскому. Мы говорим о прекрасной «круглой скульптуре», выполненной академиком С.С.Пименовым в самом начале XIX в. и помещенной у северного, то есть выходящего на Невский проспект, фасада Казанского собора. Брошенный под ноги князю меч с изображением льва – древней эмблемы Швеции – напоминает потомкам о столкновении цивилизаций, произошедшем в прежние времена на берегах Невы [9].

И уж совсем мало кто помнит, что изображение шлема Александра Невского можно видеть по сию пору на пространстве одного из барельефов, установленных на пьедестале Александровской колонны, поставленной посередине Дворцовой площади, прямо напротив царского дворца, в 1834 году [10].

Таким образом, монументальный и архитектурный текст исторического центра Санкт-Петербурга с достаточной полнотой воплотил в себе основные черты светлого образа Александра Невского, прямо связанного в культурном наследии россиян с противостоянием и диалогом цивилизаций, происходившем в новгородские времена на северо-западных рубежах русского мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Здесь и далее цитируем древнерусский оригинал Жития по изданию: Повесть о Житии Александра Невского / Подготовка В.И.Охотниковой // Воинские повести Древней Руси. – Л.: Лениздат, 1985. – С. 120-127.

[2] В более ранних работах нам уже приходилось в необходимых подробностях разбирать, почему это видение представилось не самому князю, но его младшему сподвижнику, по имени Пелугий (см., например: *Сливак Д.Л.* Метафизика Петербурга: Начала и основания. – СПб.: Алетейя, 2005. – С. 35-38).

[3] Житие говорит, собственно, о пришествии чужеземного войска не с запада, но «от полунощных страны», то есть с севера, что вполне объяснимо, поскольку его авторы смотрели на место событий со стороны Новгорода, то есть с юга.

[4] Мы говорим здесь о первом противостоянии лишь в рамках новгородского периода и лишь применительно к историософской схеме Рукописания Магнуша. Исторически прежде того было и

призвание варягов, и много других контактов, разбор междивизиационного потенциала которых входит в задачи особой работы.

[5] Здесь и ниже приводим современные географические названия, специально этого не оговаривая. В те годы для шведов это были соответственно реки Ние(н) и Сварто (то есть Черная).

[6] Цит. по: *Шаскольский И.П.* Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. – Л.: Наука, 1987. – С. 16.

[7] *Лихачев Д.С.* Экология культуры // *Idem.* Земля родная. – М.: Просвещение, 1983. – С. 89.

[8] Здесь нужно оговориться, что на месте позднейшего Петербурга в средних веках существовали русские поселения – к примеру, село Невское устье. Однако они не могли сравниться ни по размеру, ни по значению с такими близлежащими крепостями, как Орешек, Корела и Выборг.

[9] Стоит упомянуть для полноты картины, что еще один памятник князю Александру Невскому – работы скульптора В.Г.Козенюка – был установлен в Санкт-Петербурге на площади перед главным входом в Александро-Невскую лавру сравнительно недавно, в преддверии трехсотлетия города.

[10] Это изображение воспроизводит очертания старинного шлема, который хранится в собрании московской Оружейной палаты. Согласно преданию, не находящему себе, впрочем, убедительного документального подтверждения, он принадлежал в свое время святому благоверному князю.

© Спивак Д.Л., 2019.

Статья поступила в редакцию 20.02.2019.

Спивак Дмитрий Леонидович,

доктор философских наук,

руководитель Центра фундаментальных исследований в сфере культуры

Российского научно-исследовательского института культурного

и природного наследия им. Д.С. Лихачева (Санкт-Петербург),

e-mail: d.spivak@mail.ru

Confrontation of Civilizations in the North-West of Russia: Novgorod period

Abstract. Three basic stages of confrontation of Russian civilization and the Western European one at the territories of Novgorod from the 13th to the 15th century are regarded, i.e. from the battle of Neva (1240), besiegement and destruction of Landskrona (1301) – to foundation of the Oreshek fortress upon an island at the estuary of river Neva, and signing of the famous Oreshek treaty, promoting ‘eternal peace’ (1323). Focal points of inclusion of this cultural heritage into city structure, architectural and monumental texts of St.Petersburg, are presented.

Key words: cultural heritage, Russian world, confrontation of civilizations, Novgorod territories.

Spivak Dmitry Leonidovich,

D.in Philosophy.

Head of Centre for Fundamental studies in the sphere of culture,
Russian Scientific Research Institute for Cultural and Natural Heritage
named after D.Likhachev (St.Petersburg)